

ДЕЛА ДОМА НОМЕР СЕМЬ

ДЕВОЧКА С ЧУЖОЙ ФОТОГРАФИЕЙ

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Девочка с чужой фотографией

<https://litres.ru/74677994>

SelfPub; 2026

Аннотация

На семейной фотографии появляется незнакомая девочка, чьё имя невозможно найти в записях. Пытаясь выяснить судьбу исчезнувшего ребёнка, Вера обнаруживает связь с давним пожаром и проверяет собственные воспоминания.

Алёна Северина

Девочка с чужой фотографией

Глава 1. Девочка на снимке

Вера заметила девочку не сразу.

Сначала она увидела трещину на стекле — тонкую, почти прямую, от верхнего края к середине снимка. Потом отметила выцветшее пятно у правого угла и только после этого подняла взгляд на лица. Мужчина в светлой рубашке сидел на стуле, женщина стояла за ним, положив ладонь ему на плечо. Между ними, чуть в стороне, застыла девочка лет восьми или девяти.

Вера наклонилась ближе.

— Ты её знаешь? — спросила Нина Савельевна.

Они сидели за кухонным столом в квартире на Дворечной, семь. За окном серел мартовский день. На подоконнике дребезжала форточка, хотя Вера уже дважды проверила шпингалет. В квартире пахло остывшим чаем и бумагой: Нина принесла снимок в конверте из плотной прозрачной кальки из своей комнаты, а Вера настояла, чтобы не вынимать его до осмотра.

— Пока нет, — сказала она.

— А если подумать?

Вера не ответила. Она достала из сумки мягкую хлопчатобумажную салфетку, положила рядом с конвертом и включила настольную лампу. Свет лёг на фотографию ровно, без бликов. Девочка смотрела прямо в объектив, но не улыбалась. Тёмные волосы были собраны лентой, воротничок застёгнут до последней пуговицы. В её лице не было ничего, что само по себе могло бы подсказать имя, родство или хотя бы знакомую семью. Только упрямо сведённые брови.

Вера перевела взгляд на взрослых. Мужчину она видела прежде — не лично, а на других снимках из семейной коробки Лесиных. По словам Нины, это был дальний родственник Веры, Павел Лесин, которого в доме звали Павлом Андреевичем. Женщина рядом с ним была его женой, Марией. Их фотографии хранились в архиве дома, перемешанные с квитанциями, записками о ремонте и копиями документов, пережившими пожар 2004 года.

Но ребёнка среди них раньше не было.

— Где вы нашли снимок? — спросила Вера.

Нина Савельевна поджала губы. Она сняла очки, протёрла их краем кардигана и надела обратно, хотя стёкла и так были чистыми.

— В коробке у себя. Там, где старые записи о жильцах. Между ведомостью за девяносто восьмой и тетрадью с показаниями счётчиков. Я искала не его.

— Что именно вы искали?

— Записи о квартире Павла Андреевича. После пожара

там часть вещей вывезли в архив, а часть разошлась по людям. Я хотела сверить, кому вернули документы.

— Когда нашли снимок?

— Сегодня утром.

— Коробку до этого кто-нибудь открывал?

Нина чуть дольше обычного смотрела на фотографию.

— Я открывала. Не сегодня. Но именно эту стопку не перебирала.

Вера не стала спрашивать, сколько раз Нина могла проходить мимо снимка, не замечая его. Слова о чужой памяти обычно торопились занять место фактов. Она достала тонкую тетрадь в серой обложке и записала: «Снимок передан Ниной Савельевной сегодня, около десяти тридцати. Найден в коробке с записями о жильцах. Место хранения — квартира Н. С. Содержимое коробки до обнаружения полностью не описано».

Нина заглянула через её плечо.

— Ты так пишешь, будто я могла его подложить.

— Я пишу так, чтобы потом не пришлось гадать, что мы знали, а чего не знали.

— Я бы сказала, если бы подложила.

— Верю, — ответила Вера и подняла глаза. — Поэтому и записываю ваши слова, а не догадки о них.

Нина нахмурилась, но спорить не стала. Вера сделала несколько снимков конверта и фотографии, положив рядом линейку и лист с текущей датой. Потом записала, что на обо-

роте видны карандашные цифры: «7/в». Они были настолько бледными, что сначала казались случайной царапиной.

— Это номер квартиры? — спросила Нина.

— Пока это цифра, косая черта и буква. Я не буду пре-
вращать их в адрес, пока не найду подтверждение.

— Вера, ты ведь понимаешь, что это Павел и Мария. А девочка...

— Понимаю, что они похожи на Павла и Марию.

— Она стоит рядом с ними.

— Это не доказывает, что она их дочь.

Нина потёрла большим пальцем край стола. На её руке, у основания указательного пальца, белел старый шрам. Вера знала, что Нина получила его, когда выносила из дома мокрые архивные папки после пожара. Знала и то, что с тех пор та не переносила разговоров о потерянных документах, особенно если кто-нибудь говорил «всё можно восстановить».

— Я помню всех детей в доме, — сказала Нина. — Не каждое имя, но лица помню. Эту девочку не помню.

— Возможно, она не жила здесь.

— Тогда зачем снимок оказался среди наших записей?

— Это уже следующий вопрос. Сначала выясним, что именно у нас в руках.

Вера попросила Нину не прикасаться к конверту, пока она осмотрит его снаружи. Бумага была плотной, с потёртым сгибом и рыжеватым следом у края. На лицевой стороне не было надписи. Вера перевернула конверт, не вынимая содер-

жимого. Внутри, на сгибе, проступали следы клея; край был раскрыт неровно, будто его когда-то надорвали и потом заклеили снова.

— Он всегда так выглядел? — спросила Вера.

— Не знаю.

— Вы доставали фотографию?

— Нет. Я увидела её, когда конверт выпал из стопки.

— Он выпал сам?

— Коробка качнулась. Я подняла бумаги, а он лежал на полу.

Вера записала и это. Не потому, что не доверяла Нине, а потому, что порядок обнаружения тоже мог оказаться важным. Фотография могла быть вложена в конверт десятилетия назад. Могла попасть туда недавно. След от клея ничего не говорил о времени.

В кухне тихо щёлкнуло отопление. Нина вздрогнула и потянулась к чашке, но не отпила.

— Если это ребёнок Павла Андреевича, почему мы о ней ничего не знаем?

— Мы пока не знаем, что ничего не знаем, — сказала Вера. — Может быть, сведения есть в другом месте. Может быть, снимок относится к другой семье. Может быть, это вообще не Грановск.

— На фоне же наш двор.

Вера прищурилась. За фигурами, между занавеской и плечом Павла, виднелся участок стены с характерным вы-

ступом. Она узнала его: арочный проход во внутренний двор дома на Дворечной. Узнала бы и без подсказки. Пять этажей, два подъезда, бывший архивный корпус — дом был достаточно своеобразным, чтобы его не спутать с соседним.

— Да, похоже на наш двор, — признала она. — Но кадр мог быть сделан в любой год. И в любом случае нам нужно отделить то, что видно, от того, что мы предполагаем.

Вера сняла увеличенный фрагмент стены. На снимке справа, за плечом девочки, различался прямоугольный листок на двери. Надпись расплылась, но на верхней строке угадывался номер.

— Семь, — сказала Нина.

— Возможно. Тут ещё может быть буква. Я увеличу изображение, но оригинал трогать не буду.

Она внесла в тетрадь описание снимка: формат, состояние, видимые лица, одежда, детали фона, отметка на обороте. Для имени девочки оставила пустое поле.

— Нельзя же оставить её без имени, — сказала Нина.

— Пока не знаем имени.

— А если никто уже не помнит?

Вера посмотрела на маленькое лицо под лампой. Девочка была слишком серьёзной для семейной фотографии, но не испуганной. Скорее, ей объяснили, как стоять, и она выполнила указание, не собираясь изображать радость. На левой руке у неё темнело пятнышко — чернильная клякса или родинка. Вера отметила и это.

— Тогда мы узнаем, что можем, и не будем выдавать желаемое за правду.

— Ты всё время боишься ошибиться.

— Да.

Ответ вышел коротким, и Нина подняла на неё взгляд.

Вера закрыла тетрадь. Ей хотелось сказать, что ошибка здесь означала не неверную дату в описи, а чужую жизнь, присвоенную из-за похожего лица и подходящей истории. Но это прозвучало бы как лекция, а Нина и без неё знала цену словам, сказанным поздно. Вера лишь придвинула к ней стакан воды.

— Мне понадобится коробка целиком, — сказала она. — И список того, кто мог иметь к ней доступ.

Нина усмехнулась без веселья.

— Список будет короткий.

— Хорошо. Начнём с короткого.

Вера снова взглянула на фотографию. Теперь она замечала не только ребёнка, но и то, как взрослые оставили между собой и девочкой узкий просвет. Павел держал руки на коленях. Мария касалась его плеча, но пальцы её были вытянуты, напряжены. Девочка стояла чуть впереди обоих, будто её попросили подойти ближе к камере и не сказали, можно ли остаться.

Вера не знала, что означала эта расстановка. Она знала только, что снимок оказался среди записей о жильцах, а на его обороте сохранилась метка, которую нельзя было про-

честь без проверки.

Она убрала тетрадь в сумку и оставила конверт на чистом листе, отдельно от чашек и бумаг.

— До выяснения происхождения фотографию никто не забирает, — сказала она.

Нина кивнула. В её лице впервые за утро появилось нечто похожее на облегчение: не надежда, ещё нет, а согласие с тем, что у этой неизвестности теперь будут границы.

За окном хлопнула дверь подъезда. Где-то в доме заговорили, потом шаги стихли. Вера записала время, когда они закончили осмотр, и поставила подпись под описанием снимка. Имени девочки на странице не появилось.

На лестнице Вера остановилась, услышав за дверью квартиры Нины Савельевны чужой голос.

— Я ничего не забирал, — говорил мужчина. — Вы сами мне её показали.

Вера не постучала сразу. Голос был негромкий, но в нём слышалось раздражение человека, которому приходится повторять очевидное. Нина ответила тише:

— Я показывала коробку. Не снимок.

— Какая теперь разница?

Вера постучала. Разговор оборвался.

Нина открыла не сразу. На ней был тот же серый кардиган, что утром, только одна пуговица застёгнута не в ту петлю. За её плечом стоял мужчина лет пятидесяти в рабочей куртке. Вера узнала его по подъезду: Глеб Сомов, мастер из

управляющей компании, менял замки в подвале и чинил доводчики. Он посмотрел на Веру, затем на сумку у неё в руке.

— Вы уже закончили? — спросил он.

— С осмотром коробки — да. С выяснением её происхождения — нет.

— Тогда вам лучше не задерживать Нину Савельевну. У неё давление.

— Я сама решу, кого задерживать, — сказала Нина.

Глеб коротко кивнул, словно это было не возражение, а привычная реплика. Он обошёл Веру и направился к лестнице.

— Вы заходили сюда сегодня? — спросила она ему вслед. Он повернулся через плечо.

— По делу.

— Какому именно?

— По дому. У нас у всех тут дела по дому.

Он спустился, не дожидаясь ответа. Шаги быстро ушли вниз и растворились в шуме подъездной двери.

Нина заперла квартиру и повернула ключ дважды.

— Он видел коробку? — спросила Вера.

— Видел. Я просила его помочь вынести старый шкаф. Коробка лежала сверху.

— Когда это было?

— Вчера. Или позавчера. Не помню, кто заходил.

— Но только что он сказал, что вы показывали ему коробку.

— Я не показывала. Он увидел её, когда шкаф отодвигали. Может, разглядел фотографию.

— Фотографию он сегодня не видел.

Нина отвела глаза. Это был ответ, хотя и не на заданный вопрос.

Вера достала тетрадь и раскрыла страницу со списком доступа. Пока там стояли только две фамилии: Нина Савельевна и её дальний родственник, от которого Вере перешло право управления домом. Внизу она добавила Глеба Сомова, указав не факт доступа к содержимому, а возможность увидеть коробку. Эта разница была важна. Вера подчеркнула последнее слово.

— Я не обвиняю его, — сказала она.

— А он решил, что обвиняете.

— Тогда ему стоило спросить.

Нина прошла на кухню. На столе остались два стакана, один пустой, другой с водой до половины. Вера заметила, что конверта на чистом листе уже нет.

— Где снимок?

— В шкафу, в папке. Я убрала, пока он не начал заглядывать.

Вера почувствовала, как внутри поднимается резкое, неприятное облегчение: фотография была цела, а вместе с ним — раздражение на себя за то, что она успела испугаться.

— Я же просила оставить её отдельно.

— Вот я и оставила. Не на столе.

— Вы перекладывали конверт голыми руками?

— Да. Я не подумала.

Вера закрыла тетрадь. Сейчас спор о перчатках ничего бы не исправил. Она попросила показать папку, и Нина достала её из нижнего отделения буфета. Конверт лежал внутри между квитанциями за отопление и сложенным листом с фамилиями жильцов. На клапане виднелась свежая складка.

— Так было? — спросила Вера.

— Не знаю. Я не помню, какая там была складка.

Вера не стала притворяться, будто могла определить это по одному взгляду. Она сделала снимок конверта с линейкой для масштаба, затем осмотрела его под лампой. Бумага не была порвана, следов вскрытия не видно. Клапан держался на старом клеевом пятне.

— Здесь ничего не доказывает, что его открывали, — сказала она. — И ничего не доказывает обратного.

— Вы всегда так говорите?

— Когда это правда.

Нина села. Несколько секунд она смотрела на свои руки, затем подняла глаза.

— Сомов вчера спрашивал про пожар. Не про фотографии. Про архив.

— Что именно?

— Куда делись списки жильцов. Кто их забрал, кто подписывал выдачу. Он сказал, что в подвале опять сырость и надо освободить нишу у старого щита. Я ответила, что там

ничего нет.

— А там было что-то?

— Когда-то стояли коробки. После пожара их переносили. Одни бумаги забрали в управу, другие люди унесли по домам. Я тогда была моложе, мне поручали записывать, кто что взял. Не всё записала.

— Почему?

Нина стиснула губы.

— Потому что некоторые возвращались за документами без разрешения. Люди боялись потерять жильё. Кто-то говорил чужую фамилию, кто-то свою. Если бы я внесла каждую бумагу в журнал, у кого-нибудь могли бы появиться вопросы, на которые у него не было ответа.

— Вы решали за них, что им безопаснее?

— Да, — сказала Нина после паузы. — И теперь сама не знаю, от чего именно их спасала.

Вера не стала спорить. На столе между ними лежал конверт с фотографией неизвестной девочки; за окном, во дворе, хлопнула металлическая калитка.

— Вы помните, были ли снимки среди тех бумаг?

— Нет. Но помню одну серую папку. На ней было написано «Дворечная, семь». Её забрал мужчина из второго подъезда. Не Сомов. Тогда он здесь ещё не работал.

— Фамилия?

Нина закрыла глаза, будто проверяла память на ощупь.

— Кравцов. Или Кравченко. Он жил на третьем этаже,

потом уехал. Папку обещал вернуть.

Вера внесла оба варианта, разделив их косой чертой, и рядом поставила вопросительный знак. Нина следила за ручкой.

— Вы ведь не можете оставить это без проверки, — сказала она.

— Не могу.

— Значит, начнёте искать его?

— Сначала найду запись о выдаче. Если её нет, буду искать человека. Не наоборот.

Нина кивнула. Её лицо не стало спокойнее, но в нём появилось новое выражение — усталое, почти сердитое согласие.

Вера оставила снимок в конверте и попросила Нину больше его не переключивать. Затем сфотографировала страницу со списком жильцов, не забирая оригинал. Впервые за день у расследования появилась не просто возможная дата или смутная отметка, а конкретная линия: старая серая папка, выданная одному из жильцов после пожара.

Когда Вера вышла на лестничную площадку, из нижнего пролёта донёлся металлический стук. Она посмотрела вниз. Дверь подвала была приоткрыта, хотя утром её запирали.

Вера не стала спускаться одна. Она записала время и позвонила Ладе. Пока шёл вызов, дверь внизу медленно качнулась и остановилась, не захлопнувшись.

Вера услышала быстрые шаги Лады ещё до того, как та

ответила на звонок. Та поднялась со двора, не снимая пальто, с папкой под мышкой и связкой ключей в руке.

— Ты одна?

— Теперь уже нет.

— Хорошо. Покажи, что именно увидела.

Вера указала на дверь подвала. Лада не подошла вплотную: сперва осмотрела косяк, замок и пол. На пыльной полосе у порога отпечатался узкий след, будто кто-то протащил по бетону край коробки. Рядом блестела тонкая мокрая дуга.

— Это может быть от воды, — сказала Лада. — Или от обуви. Пока не знаем.

— Я не собиралась спускаться.

— И правильно. Ты позвонила мне, а не решила доказать себе, что справишься одна.

Вера не ответила. В замечании не было упрёка, но от этого оно попадало точнее.

Лада набрала Нину Савельевну. Та спустилась через несколько минут, всё ещё в домашних туфлях, и остановилась на площадке, увидев дверь.

— Кто её оставил открытой?

— Мы этого пока не знаем, — сказала Лада. — У вас есть ключ?

Нина вытащила из кармана кольцо с тремя ключами и выбрала длинный, потемневший от времени. Замок повернулся без усилия. Внутри пахло мокрым камнем и старой краской. Лампочка над лестницей не загорелась, но Лада вклю-

чила фонарь на телефоне и направила свет вниз.

— Сначала проверим, нет ли там человека, — сказала она.
— Потом уже будем выяснять, кто и зачем заходил.

Они спустились втроём. Вера шла последней, стараясь не ставить ногу на блестящие участки ступеней. Подвал не был глубоким: пять ступенек, поворот и проход вдоль труб. За дверью старого технического помещения обнаружилась щель. На краю двери темнел свежий скол.

Лада коснулась его ногтем, но не стала трогать саму крошку.

— Металл или инструмент. Старый скол был бы грязнее.

— Дверь сегодня открывали? — спросила Вера.

Нина покачала головой.

— Я проверяла её утром. Запирала сама.

За трубами глухо капало. Вера посветила на пол: у стены стоял небольшой пластиковый ящик, перевернутый вверх дном. Он не принадлежал подвалу — слишком чистый, с двумя целыми защёлками. На его боковине чёрным маркером была выведена буква «К».

Нина шумно втянула воздух.

— Что? — спросила Вера.

— Ящик напоминает те, в которых после пожара переносили бумаги. Но таких были десятки.

Лада не позволила им двинуться ближе.

— Ничего не трогаем. Сначала фотографируем на месте. Вера, снимите общий план и отметьте время. Нина, скажите, ко-

гда последний раз видели здесь этот ящик.

Вера сделала несколько снимков: проход, дверь, замок, след на полу, букву на пластике. Часы на телефоне показывали 16:42. Она вслух назвала время, чтобы оно попало в запись.

— Ящик здесь не стоял, — сказала Нина. — Утром его не было. Я проходила мимо, несла мусор.

Лада набрала управляющую компанию и попросила при-
слать слесаря, не объясняя деталей. Затем осмотрела про-
странство вокруг ящика, не переступая через тонкий след на
полу.

— Похоже, его поставили недавно. Но это не доказыва-
ет, что его принёс человек, который открыл дверь. Доступ к
подвалу есть у нескольких жильцов.

— И у Сомова? — спросила Вера.

— У него рабочий комплект. Это не обвинение, а пере-
чень тех, чей доступ надо установить.

Нина опустила взгляд.

— Я говорила ему, что тут пусто.

— Вы сказали так, потому что боялись последствий, —
отозвалась Вера. — Но теперь он спрашивал про архив. Мо-
жет, знает про ящик.

— Или спрашивал именно потому, что решил, будто тут
что-то есть, — добавила Лада. — Мы пока не знаем, что он
знал и когда.

Слесарь пришёл через двадцать минут. Его попросили не

убирать скол и не менять замок, пока Лада не запишет его состояние. Он подтвердил только то, что дверь открывали недавно: повреждение было свежим, но определить, каким ключом пользовались, по нему нельзя.

Вера отправила снимки себе на почту и записала, кто присутствовал при осмотре. В ящик они не заглядывали. Лада вызвала участкового, сообщив о возможном несанкционированном проникновении в помещение с архивными материалами. Никаких бумаг пока не нашли, но сам ящик мог стать частью проверки.

— А папка? — спросила Вера, когда они поднялись наверх. — Если её забрали после пожара и не вернули, есть ли способ установить, кто её получил?

— Журнал выдачи, если он сохранился, — ответила Лада. — Ведомость эвакуации, описи муниципального архива, заявления жильцов. И отдельно — саму семью. Но твоя запись про Кравцова или Кравченко пока только зацепка.

— Я понимаю.

— Тогда не связывай ящик с фотографией, пока не появится основание.

Вера посмотрела на дверь подвала. Теперь та была закрыта, а на замке висела бумажная пломба, которую поставил участковый. Нина стояла рядом, сжав связку ключей в ладони.

— Я могу попытаться вспомнить, — сказала она. — Не фамилию. Внешность. Он приходил за папкой с мальчиком

или один? Помню, что рядом кто-то плакал. Может, не мальчик. Может, я путаю с другим днём.

— Запишите всё, что помните, отдельно от того, что предполагаете, — сказала Лада. — Можно и сейчас. Только не додумывайте пробелы.

Нина кивнула и попросила у Веры лист бумаги. Та достала блокнот, но не стала вести запись за неё.

Нина написала дату примерно: «лето 2004, после пожара». Потом добавила: «мужчина, третий этаж, серое пальто, забрал папку». Рука у неё дрогнула на слове «вернуть», и последнюю строку она перечеркнула.

— Я не знаю, обещал ли он, — сказала Нина. — Мне казалось, что обещал. Но это могло быть уже потом, когда я пыталась оправдать, почему не записала выдачу.

Вера не поправила её. Она сфотографировала лист, спросив разрешение, и вернула оригинал Нине.

Впервые Нина оставила в деле не уверенный ответ, а границу собственной памяти. Вера убрала телефон. До серой папки оставалось далеко, но теперь у них была зафиксированная попытка проникновения, свежий след на двери и человек, готовый отделить то, что помнит, от того, чего боится.

Нина Савельевна всё ещё держала в пальцах лист, возвращённый ей Верой.

— Вы сказали: третий этаж, — напомнила Лада. — Вы уверены, что мужчина жил на третьем?

— Нет, — ответила Нина после паузы. — Я уверена, что

он поднялся туда.

— Это не одно и то же.

— Я знаю.

В подъезде пахло мокрым камнем и старой краской. За окном, над чёрными ветвями тополя, вечер медленно стирал последние светлые полосы. Снизу донёсся хлопок двери, потом кто-то громко позвал ребёнка. Обычный дом возвращался к своим делам, но Вере казалось, что в привычном шуме появилась новая настороженность: каждый звук теперь мог оказаться частью чужого маршрута.

— Вы помните, где именно он остановился? — спросила она.

Нина посмотрела на лестницу.

— У двери Кравченко.

Лада подняла глаза.

— Вы только что сказали, что фамилия могла быть Кравцов.

— Потому что на табличке была первая часть. Может, я прочитала не всё. После пожара таблички меняли, некоторые висели криво. Там было «Крав...» — Нина прикрыла глаза, будто пыталась увидеть стену двадцатилетней давности. — Дверь справа от лестницы. На третьем этаже. Мужчина стоял боком, а рядом девочка.

Вера почувствовала, как внутри всё на мгновение собралось в одну точку.

— Девочка?

— Я не говорила, что девочка, — резко сказала Нина и тут же осеклась. — Нет. Простите. Я сказала, что кто-то плакал.

— Сейчас вы вспомнили лицо или только размер? — спросила Лада.

Нина сжала губы.

— Маленькая. Ниже плеча мужчины. Волосы... светлые, наверное. Она пряталась за ним.

— «Наверное» оставляем, — сказала Лада. — Что ещё?

— На ней была куртка. Жёлтая. Или пакет в руках был жёлтый. Я видела цвет, не предмет.

Вера достала чистый лист и положила его на подоконник рядом с блокнотом Нины.

— Нарисуйте план этажа. Не человека. Дверь, лестницу, место, где вы стояли.

Нина недовольно посмотрела на неё, но взяла карандаш. Поначалу линии выходили неровными. Потом рука освободилась от напряжения: лестничный пролёт, площадка, три двери, узкое окно. У правой стены Нина поставила крестик.

— Я несла бельё, — сказала она. — После пожара мы всем помогали. У жильцов вещи были в мешках, в коридорах стояла вода. Я слышала плач и подумала, что ребёнок потерял родителей.

— А мужчина? — спросила Вера.

— Он сказал, что мать уже внизу. Что сейчас заберёт документы и спустится.

— Дословно?

— Не знаю. Смысл такой.

— Он называл ребёнка?

Нина долго молчала.

— Кажется, «Лиза».

У Веры дрогнули пальцы, но она не коснулась листа.

— Кажется?

— Я слышала только конец. Может, он сказал: «держи, Лиза». Или «тише, Лиза». Не могу подтвердить.

Лада присела на ступеньку, чтобы оказаться с Ниной на одном уровне.

— Вы раньше кому-нибудь это рассказывали?

— Нет.

— Почему?

Нина посмотрела на закрытую дверь подвала.

— Потому что на следующий день Кравченко пришла ко мне и спросила, не видела ли я её папку. Я сказала, что видела мужчину. Она спросила, какого мужчину. Я ответила — не помню. А потом она сказала, что если начнутся вопросы, её выселят.

— Кто «она»?

— Елена Кравченко. Жила в квартире тридцать два. С матерью и дочкой. Только дочку звали не Лизой.

Вера подняла взгляд.

— Как её звали?

— Марина.

Ответ прозвучал тихо, почти без интонации, но в нём бы-

ло больше веса, чем в прежних догадках.

Лада медленно выпрямилась.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я записывала жильцов. Марина Кравченко, семь лет. Её мать — Елена Павловна. В списке эвакуации они были обе.

— А мужчина мог назвать её домашним именем, — сказала Вера.

— Мог, — согласилась Лада. — Но теперь у нас есть проверяемая деталь: квартира, фамилия, список эвакуации и имя ребёнка, которое не совпадает с официальным.

Нина резко повернулась к ней.

— Я не хочу, чтобы из-за моей памяти к ним пришли.

— К ним уже никто не придёт без оснований, — ответила Лада. — Но если речь шла о документах ребёнка, это надо установить. Не для того, чтобы отнять жильё. Для того, чтобы понять, почему фамилия оказалась в папке.

Вера уже открыла телефон.

— Я посмотрю старые списки по третьему этажу.

— Сейчас? — спросила Нина.

— Пока детали не распались.

Лада коснулась её локтя.

— Не одна.

— Я не собиралась...

— Я знаю. Поэтому и говорю.

Они поднялись в квартиру Веры. Матвей, сидевший у ку-

хонного окна с кружкой остывшего чая, сразу отложил телефон.

— Что случилось?

— Ты видел старые таблички на третьем этаже? — спросила Вера.

— Те, что сняли после ремонта? В кладовке у меня лежит коробка.

— Покажи.

Матвей пошёл первым. Вера заметила, как он бросил короткий взгляд на Ладу, а потом на её испачканные подвальным известковым налётом рукава.

— Я думал, вы просто проверяете замок, — сказал он.

— Мы проверяем всё, что связано с архивом, — ответила Лада. — И нам нужна твоя помощь.

Он ничего не сказал, но шагнул быстрее.

Коробка стояла под верстаком, накрытая старым брезентом. В ней вперемешку лежали дверные номера, металлические планки, сломанные ручки и обгоревшие обрезки табличек. Матвей достал фонарь. Вера надела перчатки и начала раскладывать предметы на чистом листе фанеры.

На третьем слое нашлась узкая латунная пластинка: «32».

Ниже, застрявшая между двумя деревянными номерами, лежала табличка с остатком фамилии. От неё сохранились только буквы «КРАВЧ...».

Нина, увидев её, отступила.

— Вот, — сказала она. — Такая была.

Вера сфотографировала табличку, затем перевернула. На обратной стороне проступали две выдавленные цифры — «04».

— Это не дата, — сказал Матвей. — Так маркировали подъезд. Четвёртая партия дверей.

— Возможно, — ответила Вера. — Но мы пока не знаем, с одной ли двери номер и табличка.

Лада наклонилась к коробке.

— Здесь ещё что-то есть.

Она достала маленький пластиковый пакет, зажатый под металлической планкой. Внутри лежал обугленный уголок бумаги. На нём сохранились несколько строк, написанных от руки: «...рина Кравченко», ниже — «документы получены», а в правом поле — дата, которую можно было прочесть только частично: «17.07.04».

Вера почувствовала холод не от подвала.

— Это не наш архив, — сказал Матвей.

— Почему? — спросила Нина.

— Бумага строительная. Видишь волокна? Архивные листы были плотнее.

Лада осторожно сфотографировала фрагмент через пакет.

— Тогда это может быть расписка жильцов. Или отметка ремонтной бригады. Нельзя читать больше, чем там есть.

Вера всмотрелась в сохранившиеся буквы.

— «...рина» — это может быть Марина.

— Может, — сказала Лада. — А «документы получены» не означает, что получены документы ребёнка. Нам нужен источник этой бумаги и независимое подтверждение.

Матвей поднял второй металлический номер.

— Подожди. На обратной стороне что-то написано.

Там, под слоем ржавчины, карандашом стояла короткая пометка: «ящ. 3».

Нина побледнела.

— Третий ящик?

Вера посмотрела на Ладу. Та не ответила сразу.

— Это уже не доказательство, — сказала она. — Но это основание проверить опись.

В этот момент в коридоре зазвонил домофон. Один раз. Второй. Потом звонок оборвался.

Матвей вышел к двери.

— Кто там?

Ответа не было.

Вера быстро убрала фотографии в отдельную папку и закрыла коробку. Теперь у них появилась не только память Нины, но и материальный след, связанный с квартирой тридцать два и пометкой о третьем ящике. А человек, вскрывавший подвал, мог искать именно его.

Матвей вернулся не сразу. Сначала за дверью слышались его шаги, потом — короткий скрип входной двери. Вера не двинулась с места, пока он не появился в коридоре.

— Никого. На площадке пусто. Но снаружи дверь в подвал

приоткрыта.

Нина сжала край стола.

— Я её запирала.

— Знаю, — сказал Матвей. — Замок цел. Просто не защёлкнули.

Лада уже убирала телефон в карман.

— Не трогайте ручку. И ничего больше в подвале не перемещайте, пока не зафиксируем, что там было.

— Мы как раз это делали, — заметил Матвей.

— До звонка, — уточнила Вера. — После звонка никто туда не входил.

Она достала телефон и сняла общий план комнаты, затем коробку, брезент и разложенные предметы. Не потому, что верила в преступление, а потому, что после появления нового факта прежние действия требовали аккуратной фиксации. Матвей держался у двери, не заходя глубже. Нина смотрела на коридор, словно ожидала, что оттуда снова позовут.

— Кто ещё знает про третий ящик? — спросила Вера.

— Никто, — ответила Нина слишком быстро.

Лада подняла на неё глаза.

— Мы не обвиняем вас. Но если вы хотите, чтобы мы проверили записи, надо понять, кто мог знать о пометке.

Нина провела ладонью по щеке.

— Я не говорила никому про коробку. И про ящик тоже.

— А про старые описи? — спросил Матвей. — Ты же не одна ими занималась.

— В доме — одна. В архиве были другие люди.

Слово «архив» повисло между ними. Вера закрыла папку с фотографиями.

— Нам нужно проверить, существует ли третий ящик и к какому фонду он относится. Не открывать его сейчас, если не знаем, где он хранится.

— Он не хранится, — тихо сказала Нина.

Лада не перебила, но Вера заметила, как она выпрямилась.

— Что это значит?

Нина отвела взгляд к коробке.

— После пожара часть вещей развозили по учреждениям. Что-то увезли в муниципальное хранилище. Что-то забрали жильцы. Ящики с бумагами стояли в бывшей канцелярии, в комнатах на первом этаже. Потом их пересчитывали. Третий передали.

— Вы видели его? — спросила Вера.

— Я видела ведомость. Там написали: «ящик 3 — передан». Без адресата.

Матвей тихо выругался.

— А ты всё это время молчала?

— Я не знала, что именно он значит. И не хотела, чтобы люди начали искать документы, которых уже нет.

— Ты решала за них, что им лучше не знать, — сказала Лада. Голос у неё оставался ровным, но в нём появилась жёсткость. — Это не одно и то же, что защищать жильцов.

Нина будто хотела ответить, но только опустила на стул.

— Я боялась, что начнутся заявления на выселение. Тогда после пожара многие жили не по тем адресам, которые стояли в бумагах. Если кто-то докажет, что квартира числилась за другим, семье могли не продлить договор.

— Это был риск, — сказала Вера. — Но скрытая запись не устраняет его. Она только лишает людей возможности защитить себя.

Нина кивнула, не поднимая глаз.

Вера не стала настаивать. Сейчас важнее было сохранить то, что уже нашли, и определить происхождение каждой вещи. Она сверила время на снимках, записала, кто присутствовал, и отдельно отметила, что после звонка в подвал никто посторонний не входил. Лада попросила Матвея проверить наружную дверь с площадки, не касаясь замка. Он вернулся через минуту.

— Следов взлома нет. Но на пыльной полосе у порога два свежих мазка. Не скажу, обувь это или кто-то провёл чем-то.

— Фотографируй с линейкой, — сказала Лада. — Не делай выводов.

Матвей выполнил просьбу. Вера посмотрела на табличку с остатком фамилии, на обгоревший клочок бумаги в пакете, на пометку «ящ. 3». Пока это были три фрагмента, не складывавшиеся в доказательство. Но теперь у них появилось свидетельство о ведомости и признание Нины, что третий ящик когда-то передали без указанного адресата.

— Где вы видели эту ведомость? — спросила Вера.

— В папке с актами эвакуации. Она лежала в архиве жилищного отдела. Я не забирала её.

— Когда смотрели в последний раз?

— После пожара. Потом папку передали в городское хранилище. Кажется.

— «Кажется» недостаточно, — сказала Лада. — Мы запросим опись и сведения о передаче. Официально.

— А если папки нет? — спросил Матвей.

— Тогда зафиксируем отсутствие и выясним, когда она выбыла из фонда, — ответила Вера. — Но сначала проверим учёт.

Нина наконец подняла голову.

— Я могу показать старую копию ведомости. У меня дома сохранились тетради, куда я переписывала номера. Не саму ведомость, только строки.

— Это поможет найти запись, — сказала Лада. — Но не заменит оригинал.

— Я понимаю.

На этот раз Нина не стала защищаться. Она достала из сумки связку ключей и отделила один маленький, с синей пластиковой меткой.

— От шкафа с тетрадями. Я отдам его тебе, Вера, сейчас, при Ладе. А шкаф откроем завтра вместе. Пусть она запишет, что именно мы забираем и откуда.

Вера приняла ключ не сразу. Слишком легко было назвать

это доверием и пропустить то, что Нина впервые сама предложила проверяемый порядок.

— Хорошо. Завтра вместе.

Матвей взглянул на сестру.

— А сегодня?

— Сегодня никто ничего не открывает и не уносит. Мы сохраняем коробку, копии снимков и запись о случившемся. Потом решим, нужно ли обращаться в полицию из-за попытки попасть в подвал.

Лада чуть заметно кивнула.

— Сначала зафиксируем состояние двери и выясним, есть ли у управляющей компании журнал доступа. Но это не должно превращаться в обвинение неизвестного человека.

Вера убрала ключ в отдельный прозрачный пакет, подписала его и дала Нине расписаться на сгибе. Лишь после этого они поднялись наверх. У двери подвала Матвей задержался, проверил, что она закрыта, и не стал поворачивать ручку.

На площадке всё выглядело привычно: облупленная краска, почтовые ящики, следы от мокрых подошв у батареи. Но теперь Вера знала, что кто-то мог пройти сюда без следов взлома — и что молчание Нины было не случайной забывчивостью, а выбором, за который придётся отвечать.

Она не знала, кто звонил в домофон. Не знала, где оказался третий ящик и имел ли он отношение к девочке на фотографии. Но впервые у них была не только пометка на металле: у них появилось имя человека, который видел ведомость,

и конкретное место, где её следовало искать.

Глава 2. Школьная папка

Утром Вера позвонила в школу, прежде чем успела передумать.

Архивариус ответила не сразу. В трубке шуршали бумаги, где-то далеко стукнуло что-то металлическое, потом женский голос произнёс:

— Школа номер четырнадцать. Архив. Слушаю.

Вера назвала себя, адрес дома и год пожара. На другом конце повисла короткая пауза.

— Вы по старому архивному корпусу? — спросила женщина.

— Да. Мне нужно проверить сведения об эвакуации детей. Возможно, в школе училась девочка с этой фотографии.

Она не стала отправлять снимок по электронной почте. Не хотела, чтобы изображение разошлось по чужим экранам и получило чужие подписи прежде, чем появятся факты.

— Тогда приезжайте, — сказала архивариус. — Только предупреждаю: часть журналов оцифрована, часть лежит в коробках. Если знаете фамилию, будет проще.

— Не знаю.

— Понятно. Приезжайте до обеда, пока директор на месте.

Вера записала имя женщины — Галина Романовна — и адрес школы. Потом положила телефон на стол. Нина Савельевна сидела напротив, перебирая край бумажной салфет-

ки. За ночь она почти не спала: под глазами проступили тени, а на рукаве серого кардигана темнела капля чая.

— Я поеду с тобой, — сказала она.

— Не обязательно.

— Я знаю, какие там были списки.

Это было не то же самое, что «я хочу помочь». Вера посмотрела на неё внимательнее.

— Ты помнишь саму эвакуацию?

— Помню, как людей собирали в актовом зале. Кто-то из школы принёс детей из соседнего дома. Или из двух домов. Тогда все путались. — Нина сложила салфетку пополам, потом ещё раз. — Я не обещаю, что узнаю девочку. Но если там будет что-то про Дворечную, я должна это увидеть.

Лада, стоявшая у кухонного окна с чашкой, обернулась.

— Списки посмотрим вместе. Ничего не забираем, не фотографируем без разрешения и не делаем выводов по одной строчке.

— Я знаю, — ответила Вера.

— Тогда поехали, — сказала Нина.

Матвей поднял голову от развёрнутого на столе плана подвала. Он всю ночь провозился с креплениями и сейчас выглядел так, будто каждое слово ему давалось через усталость.

— Я с вами не поеду. У меня вызов, труба у людей течёт. Но если надо что-то вскрыть...

— Ничего вскрывать не надо, — сказала Лада.

— Я и не предлагал.

Он свернул план резче, чем требовалось, и убрал в папку.

Школа номер четырнадцать стояла на другом конце Грановска, в низком кирпичном здании с пристройкой, добавленной уже после пожара. На фасаде сохранилась старая табличка с номером, а над входом висела новая, ярко-синяя. Дверь открыла дежурная и пропустила их внутрь после звонка директору.

В коридоре пахло мокрой шерстью, мелом и чем-то сладким из столовой. За поворотом шумели дети. Их голоса то набирали силу, то гасли, будто классы были отдельными комнатами в большом живом механизме.

Галина Романовна ждала в небольшом кабинете у лестницы. Невысокая, с короткой стрижкой и очками на цепочке, она сразу заметила Нину.

— Вы Савельева? — спросила она. — Я вас помню. Вы тогда приходили за копией ведомости.

Нина замерла.

— Приходила?

— После пожара. Просили подтвердить, что двоих детей временно забрали из школы. Но фамилии в ведомости не совпали с теми, которые вы называли.

— Я не помню такого.

— Может, и не помните. Давно было.

Галина Романовна сказала это спокойно, но Вера почувствовала, как Нина напряглась. Та не стала спорить. Только сняла перчатки и медленно расправила пальцы.

— Мы ищем запись об эвакуации девочки, — сказала Вера. — Примерно восьми-девяти лет. Возможно, она жила в доме на Дворечной, семь.

— Тогда начнём с журнала временного размещения, — ответила архивариус. — Он сохранился, хотя подшивка повреждена. В школьном списке фамилии детей не всегда стояли там, где их ожидали найти.

Она провела их через узкий проход за учительской, открыла дверь с табличкой «Архив» и включила верхний свет. Комната была заставлена металлическими стеллажами. На нижних полках лежали коробки, помеченные годами, а у стены стоял запертый шкаф с потрескавшейся эмалью.

— Сначала правила, — сказала Галина Романовна. — Перчатки наденете. Листы не расправлять силой. Если потребуется копия — оформим запрос. Я ничего не выдаю на руки.

— Мы не за этим приехали, — ответила Лада.

Архивариус достала тонкую папку, раскрыла её на столе и показала им лист с пожелтевшими краями. Записи шли столбцами: дата, класс, фамилия, место пребывания. Чернила выцвели, несколько строк расплылись от влаги. Вера наклонилась, стараясь не задеть бумагу.

— Вот список детей, которых приняли после эвакуации, — сказала Галина Романовна. — Часть была из дома на Дворечной. Но здесь не всегда указано, откуда именно.

Нина приблизилась к столу.

— А где фамилии?

— В следующей графе. Только некоторые записаны по имени, без фамилии. Тогда оформляли быстро. А потом переносили сведения в классные журналы.

Вера провела взглядом по строкам. Даты, короткие пометки, цифры. В нескольких местах стояли крестики. У одной записи фамилия была зачёркнута и переписана поверх другой.

Она остановилась на строке ближе к середине страницы.

Имя читалось отчётливо: «Лида». За ним шёл номер — 8/Б. В графе «фамилия» стоял прочерк. Рядом карандашом добавили: «временно, до выяснения».

— Что значит восемь дробь Б? — спросила Вера.

Галина Романовна поправила очки и наклонилась к листу.

— Не класс. Похоже на индекс. Но в журнале, скорее всего, должна быть расшифровка.

— А почему фамилии нет? — спросила Лада.

— Потому что её не знали или не успели записать. Такие вещи случались.

Нина смотрела на имя, не моргая.

— В восемь лет у нас в доме была Лида, — сказала она.

— По крайней мере, я помню девочку с таким именем.

— Ты уверена? — спросила Вера.

— Нет. — Нина сжала руки. — Но я помню, что мать одной семьи называла её Лидкой. Или Лидой. Я не знаю, та ли это девочка.

— Пока это только совпадение, — сказала Лада.

Вера кивнула. На фотографии девочка стояла между взрослой женщиной и мужчиной, но не касалась ни одного из них. Выражение лица было не испуганным, а настороженным, словно фотограф велел ей смотреть прямо, а она пыталась понять, кому именно предназначено это указание.

— Можно увидеть журнал с индексами? — спросила Вера.

Галина Романовна не ответила сразу. Она перелистнула несколько листов, сверилась с описью, потом достала из коробки плотную обложку с выцветшей надписью «Алфавитный указатель. 2004».

— Если это тот журнал, который я думаю, индекс 8/Б не относится ни к классу, ни к улице, — сказала она. — Это ошибка переноса. А при ошибочном переносе фамилия могла оказаться под другим начальным номером.

— То есть её можно найти? — спросила Нина.

— Возможно. Если указатель полный.

— А если нет?

— Тогда мы хотя бы узнаем, что именно было потеряно.

Галина Романовна раскрыла обложку. На первом листе сохранилась таблица соответствия индексов. Несколько строк были закрыты полосками старой клейкой бумаги. На одной из них проступал след от карандаша, похожий на букву «Ч».

Вера посмотрела на женщину.

— Вы знаете, почему эти строки закрыты?

Архивариус помедлила.

— Нет. Так папка поступила ко мне. Но если вы хотите понять, что случилось с девочкой, нам придётся выяснить, кто и когда менял индекс.

Из коридора донёсся звонок. Дети заговорили громче и побежали по лестнице. Галина Романовна прикрыла дверь, возвращая архиву тишину.

На столе, между ними, лежали две записи: «Лида» и «8/Б». Вера впервые видела не просто лицо с фотографии, а след, оставленный в конкретном школьном журнале. Но фамилия по-прежнему была спрятана не мистикой и не временем — чьей-то рукой, сделавшей ошибку или решившей, что так будет удобнее.

Галина Романовна наложила на закрытые полоски тонкий лист бумаги и провела по нему мягким карандашом. На бумаге проступили ряды цифр, потом — обломки букв. Она остановилась у строки, где след от графита походил на «Ч».

— Не отрывайте, — сказала Лада. — Клейкая лента может снять верхний слой.

Архивариус убрала руку. Вера подвинула настольную лампу, чтобы свет падал сбоку. Под полосками проступила запись: «8/Б — эвак. список, корпус Б». Ниже шли фамилии, но прочитывать их пока было невозможно.

— Это не класс, — сказала Галина Романовна. — И не адрес. Индекс списка эвакуированных.

— Школьных? — спросила Вера.

— Скорее всего. В год пожара школу использовали как пункт временного размещения. У нас сохранились ведомости, куда привозили детей из домов поблизости. Но этот указатель составлен позже, когда часть бумаг переносили в новый архив.

Она открыла журнал на странице с вклеенной таблицей. Несколько строк были вырезаны аккуратно, по линейке. Остальные индексы шли подряд: 8/А, 8/В, 9/А. Между ними зиял пустой прямоугольник.

— Кто-то убрал именно эту запись, — заметила Лада.

— Или перенёс её в другую папку, — возразила Галина Романовна. — Я не хочу приписывать намерение, пока мы не знаем, когда это сделано.

— Правильно, — сказала Вера. — Нам нужна опись поступления и история перемещений.

Архивариус нашла регистрационную карточку. Бумага была хрупкой, с бурым пятном у края. Запись сообщала, что школьные документы приняли из временного хранилища в 2007 году. В графе о комплектности значилось: «Список 8/Б, 14 листов». Ниже другой рукой добавили: «В составе отсутствует».

— Значит, он существовал, — сказала Нина Савельевна.

— Или существовала папка с таким номером, — ответила Лада. — Это ещё не доказывает, что в ней была девочка с фотографии.

Нина опустила глаза. Она пришла сюда не за доказательством в суд, но всё равно будто ждала, что бумага произнесёт знакомое имя и снимет с неё необходимость сомневаться.

Вера взяла карандаш и записала номер регистрационной карточки. Она не стала спрашивать Нину о Лиде. Та уже сказала всё, что помнила; повторный вопрос только превратил бы её неуверенность в чужую опору.

— Где хранились документы до 2007 года? — спросила Вера.

— В школьном подвале, потом в районном методическом кабинете, — ответила Галина Романовна. — После пожара здания проверяли, часть бумаг вывезли. По журналу выдачи можно установить, кто работал с коробками.

Она достала из шкафа толстую тетрадь. Корешок был прошит бечёвкой, на обложке выцвела надпись «Выдача дел». Записи за 2004 год шли густо, одна за другой. В середине октября значился вынос нескольких коробок в спортзал. Через неделю их вернули. В декабре папки передали в районный кабинет.

— Здесь нет названий дел, только номера коробок, — сказала Галина Романовна. — Но номер восемь есть.

Она провела пальцем по строке: «Коробка 8, список временно эвакуированных, сверка фамилий». В графе получателя стояла подпись, а рядом — дата: ноябрь 2006-го.

Лада наклонилась, не касаясь страницы.

— Кто расписался?

Галина Романовна перевернула тетрадь к окну.

— Подпись похожа на фамилию Чистякова. Но имя не читается.

Лада замерла. Матовая полоска стекла от окна рассекла её лицо пополам.

— Это не я, — сказала она. — И не мой отец. Я не знаю, кто из Чистяковых мог работать в школе. Фамилия распространённая.

— Мы и не утверждаем обратного, — сказала Вера.

— Я понимаю. Просто не хочу, чтобы фамилия сама стала обвинением.

Архивариус перелистнула ещё несколько страниц. В ноябре коробку выдавали дважды. В первый раз — на сверку, во второй — «для копирования отдельных листов». Получатель во второй записи был указан полностью: «Е. П. Чистякова». Подпись совпадала.

— Это уже можно проверить, — сказала Лада. — По кадровым документам или хотя бы по списку сотрудников. Не в интернете и не по чьим-то воспоминаниям.

Галина Романовна кивнула и выписала номер дела, в котором хранились кадровые приказы. Вера заметила, что Нина пристально смотрит на дату.

— В 2006-м я уже работала домоуправом, — сказала та. — Но в школе я не была. И коробок не видела.

— Тебя никто не спрашивает, — ответила Вера.

— Вот именно. А я всё равно думаю, что должна была

знать.

— Ты не могла знать обо всех бумагах, которые перемещали в чужом кабинете.

Нина сжала губы. Ей было трудно принять оправдание, которое не просила, и Вера это увидела. Она не стала убеждать её дальше.

Галина Романовна принесла кадровый журнал. В нём нашлась Елена Павловна Чистякова, секретарь школы до 2008 года. Напротив фамилии стояла отметка о переводе в районный методический кабинет. Никаких сведений о дисциплинарных взысканиях или увольнении не было.

— Значит, она имела доступ к коробке, — сказала Лада. — Это подтверждает выдача. Но пока не подтверждает, что она изменила указатель или забрала листы.

— И не объясняет прочерк в графе фамилии, — добавила Вера.

Внизу регистрационной карточки обнаружилась ещё одна пометка, сделанная мелким синим почерком: «При восстановлении алфавита сверять по списку 8/Б. Не включать временных до подтверждения родства».

Вера перечитала фразу дважды.

— Вот почему фамилия могла оказаться под другим номером, — сказала она. — Индекс перенесли в раздел эвакуационных списков, а детей без подтверждённых родственников не включили в обычный алфавитный указатель.

— Но это объясняет только способ поиска, — сказала Ла-

да. — Не то, почему список пропал.

Галина Романовна сняла очки и потерла переносицу.

— В районном кабинете должны были сделать копии перед возвращением коробки. Если копии сохранились, мы сможем прочесть фамилии без оригинала. А если нет...

Она не закончила. В коридоре снова прошли дети; за дверью раздался смех, потом хлопнула лестничная дверь.

Вера аккуратно переписала обе даты выдачи и фамилию получателя. Теперь у них была не только запись о потерянном списке, но и подтверждённая цепочка: коробка существовала, её выдавали для сверки, а при восстановлении указателя временных детей исключали из общего алфавита до подтверждения родства. Следующий шаг лежал не в догадках, а в районном кабинете и его копировальных журналах.

Нина поднялась, поправляя шарф.

— Если там будет имя Лиды, я пойму, что не выдумала её.

— А если не будет? — спросила Лада.

Нина помолчала.

— Тогда придётся признать, что моя память могла соединить двух разных девочек.

Вера закрыла тетрадь, не задерживая пальцев на подписи Елены Чистяковой. Пока это было лишь имя человека, которому выдавали коробку. Доказательством оно могло стать только вместе с содержимым списка, датами и следом того, что произошло с бумагами после копирования.

Галина Романовна заперла шкаф. Вера вложила свои за-

писи в папку и проверила, что номер дела указан без ошибки. Девочка с фотографии оставалась без фамилии, но теперь отсутствие имени тоже имело историю: его не просто забыли — его не внесли в тот раздел, где Вера искала.

До районного методического кабинета они добрались после полудня. Он занимал два этажа в бывшем детском саду: на первом пахло мокрыми варёжками и столовой, на втором — бумагой и горячей пылью от батарей. Вера оставила пальто на руке, чтобы не задеть им стопку папок у входа.

На двери нужного кабинета висела табличка «Муниципальный методический отдел». Под ней кто-то приклеил листок с расписанием приёма, перечёркнутым синей ручкой. Лада постучала.

— Войдите.

За столом сидел мужчина в клетчатой рубашке. Перед ним были разложены заявления, рядом стоял сканер с поднятой крышкой. Он выслушал Веру, не перебивая, потом снял очки и посмотрел на Нину Савельевну.

— Вы были в школе в год пожара?

— Нет. Я в доме работала. В школу приходила позже, когда уже собирали сведения о жильцах.

— Тогда откуда вы знаете про коробку?

Нина сжала ремешок сумки.

— Потому что мне показывали листы. Там была девочка, которую я помню.

Мужчина взглянул на Ладy. Та положила на стол копию

школьной карточки и записи о выдаче коробки.

— Мы не просим раскрывать сведения о нынешних учениках, — сказала она. — И не просим выносить оригиналы. Нам нужны копировальный журнал и, если сохранились, копии эвакуационных списков за 2004 год. У нас есть конкретная запись о выдаче коробки Елене Павловне Чистяковой.

Мужчина провёл пальцем по строкам карточки.

— Елена Павловна давно на пенсии. Архив кабинета переносили дважды. Я не могу обещать, что всё уцелело.

— Мы понимаем, — ответила Вера. — Но Галина Романовна сказала, что копии должны были сделать до возврата коробки.

Он вздохнул, поднялся и открыл металлический шкаф у окна. Папки стояли там тесными рядами, часть корешков выцвела до одинакового серого. Мужчина нашёл журнал выдачи, сверился с годом и протянул Вере раскрытую книгу, придерживая страницу ладонью.

Запись была на месте. Дата совпадала. В графе «содержание» значилось: «Список 8/Б, эвакуация, приложение». Ниже, другим почерком, стояло: «копия — 6 листов». Напротив фамилии Чистяковой не было ни подписи о получении копий, ни отметки об отказе.

— Значит, копию делали, — сказала Вера.

— Или только собирались, — возразил мужчина. — Здесь часто ставили отметку заранее, чтобы коробку не держать открытой.

Лада наклонилась к журналу.

— Можно посмотреть, какие папки относятся к копировальным материалам за этот год?

Мужчина закрыл книгу, но не убрал её.

— Можно. Только ничего не фотографировать без моего разрешения.

Вера кивнула. Он достал две плоские папки из нижнего ящика и положил их на стол. В первой были методические планы и ведомости семинаров. Во второй — конверты с копиями школьных документов, каждый с отдельной описью. Вера перебрала их по датам, не касаясь листов голыми пальцами. Бумага была тонкой, местами просвечивала от старого тонера.

Конверт с надписью «Списки эвакуации, 2004» оказался почти пуст. Внутри лежали четыре листа, а в описи значилось шесть. На последней строке кто-то приписал: «Приложение 8/Б перенесено в раздел временного размещения».

— Вот, — сказала Вера. — Это тот самый индекс.

Она не стала сразу вынимать листы. Сначала сверила номер конверта с описью, затем попросила мужчину подтвердить, что документ можно изучить на месте. Тот поставил рядом стул, а сам остался у стола, наблюдая за ними с усталым недоверием.

Список был напечатан на машинке. В первой колонке шли номера учеников, во второй — фамилии, в третьей — адреса, откуда их забрали. Несколько строк заполняли от руки. У

номера восемь стояла прочеркнутая фамилия: прежняя запись была выскоблена так тщательно, что бумага стала пушистой. Рядом с номером карандашом добавили: «временная, взрослые не установлены». Ниже, отдельной строкой, значилось: «Лидия, около 9 лет. Доставлена с Дворечной, 7. Передана в пункт № 3».

Нина Савельевна резко втянула воздух.

— Лида.

Вера не позволила себе подвинуть лист к ней.

— Здесь только имя. Нужна вторая часть списка.

Мужчина открыл опись и нахмурился.

— Два листа не в этом конверте. Возможно, их подшили к журналу пунктов размещения.

— А номер три где находился? — спросила Лада.

— В школе № 12, тогда там был временный пункт. Документы передали в районный архив после пожара.

— Там есть фамилия?

— Не знаю.

Нина смотрела на строчку, не моргая. Её рука поднялась, будто она хотела коснуться бумаги, но остановилась над столом.

— Я помню, как она держала рукав у лица, — сказала она.

— Плакала. Только повторяла, что мама скоро придёт.

Вера посмотрела на запись. «Доставлена с Дворечной, 7» не доказывало, что девочка на фотографии — именно Лида. Но это был первый документ, который связывал имя, возраст

и дом, а рядом стояло объяснение, почему фамилия исчезла из алфавитного указателя: взрослые не были установлены, ребёнка записали как временную.

— Можно сделать заверенную копию этой страницы? — спросила Лада. — С указанием, где хранится оригинал и в каком состоянии он находится.

Мужчина снова надел очки.

— Заявление подадите письменно. Сегодня могу разрешить вам снять страницу для работы, но копия не будет официальной.

— Этого достаточно для следующего шага, — сказала Лада. — При условии, что в протоколе мы отметим ограничения.

Вера записала номер конверта, описи и листа. Потом перечитала строку с адресом и проверила каждую цифру. Когда она закончила, мужчина подвинул к ней лист разрешения на фотографирование. Вера подписала его и только тогда достала телефон.

На снимке выскобленная фамилия выглядела ещё отчётливее: не как пустое место, а как след чьей-то попытки стереть запись. Но рядом оставались слова, которые стереть не успели. Лада попросила мужчину расписаться в журнале доступа, и тот поставил подпись, добавив время.

Нина поднялась последней.

— Теперь я знаю, что Лида была, — произнесла она.

— Теперь мы знаем, что в тот день в пункт доставили де-

вочку по имени Лидия, — осторожно поправила Вера. — Чтобы связать её с фотографией, нужна фамилия или подтверждение из другого источника.

Нина посмотрела на неё с обидой, но спорить не стала.

На лестнице Лада задержала Веру за локоть.

— Ты правильно сказала. Для Нины это много. Для дела — пока недостаточно.

Вера высвободила руку мягко, без резкости.

— Я знаю. Просто не хочу, чтобы её память стала доказательством вместо документа.

Они спустились к выходу. Снаружи моросил мелкий дождь; на ступенях собралась тёмная вода. Вера переслала Ладе снимок страницы, затем убрала телефон и проверила, что копия разрешения лежит в папке.

Имя девочки перестало быть только воспоминанием Нины. Но фамилия пока оставалась неизвестной: два листа отсутствовали, и лишь предстояло проверить, подшили ли их к журналу пунктов размещения и есть ли в них нужная запись.

Дождь усилился, пока они дошли до остановки. Вера осталась под узким козырьком районного архива и ещё раз открыла фотографию страницы. Вода стекала по краю крыши, дробно ударяла о металлический отлив. На экране фамилия Лидии расплывалась от блика, но адрес оставался читаемым.

— Ты собираешься прямо сейчас искать школу? — спросила Лада.

— Не школу. Сначала разберусь с индексом.

— В архиве сказали, что он ошибочный.

— Сказали, что фамилия скрыта под ошибочным индексом. Это не одно и то же.

Лада сняла перчатку, провела пальцем по промокшему краю папки и тут же убрала руку.

— Верно. Но мы не знаем, ошибка ли это, чужая ли запись или поздняя правка. Не называй это намеренным сокрытием, пока не найдём основание.

— Я и не называю.

— Ты уже мысленно выстроила полку, на которой лежит недостающая папка.

Вера не ответила. Лада была права, и именно это раздражало: не замечание, а точность, с которой оно попало в цель.

Нина Савельевна ждала их у двери архива, кутаясь в серый шарф. Она вышла следом, но не подошла сразу. Взгляд её был прикован к телефону Веры.

— Можно ещё раз посмотреть на запись? — спросила она.

Вера повернула экран. Нина приблизила изображение двумя пальцами и долго всматривалась в строку, словно надеялась, что теперь, после дороги, чернила сложатся иначе.

— «Доставлена с Дворечной, семь», — прочитала она. — Я тогда была моложе, но не настолько, чтобы забыть ребёнка.

— Ты помнишь, что было после? — спросила Вера. — Кто её забрал?

— Я уже говорила: не знаю. Мы все тогда таскали вещи,

помогали кому могли. В доме после пожара каждый искал своих.

— А в школе?

Нина подняла глаза.

— Что школа?

— Ты видела Лиду в школе? Или слышала, что она туда пошла?

Нина сжала шарф у горла.

— Нет. Я помню, как её привезли. Потом мне сказали, что мама пришла. Но кто сказал — не помню.

— Ты уверена, что мама пришла?

— Нет, Вера. Я уверена, что сама так решила. Она плакала и повторяла, что мама скоро будет. Я решила, что мама действительно придёт. Так было легче.

Нина произнесла это спокойно, но на последнем слове голос её ослаб. Вера опустила телефон.

В этом признании не было новой зацепки. Только граница, которую Нина наконец провела между тем, что видела, и тем, что достроила сама. Вера почувствовала облегчение и тут же устыдилась его: будто ей было удобно, что память отступила на шаг и уступила место документам.

— Спасибо, что сказала, — произнесла она.

— Не благодари за то, что я поздно сообразила.

— Я благодарю за то, что ты сейчас не стала уверять нас в том, чего не помнишь.

Нина посмотрела на неё с усталой строгостью.

— Ты всегда так говоришь, будто человек может выбрать правильную формулировку и от этого всё станет правильным.

— Не всё. Но хотя бы мы не припишем тебе слова, которых ты не говорила.

Лада отвела взгляд к дороге. Автобус приближался, плеская по лужам.

— Вера, — сказала она, — у нас есть разрешение на рабочую фотографию. Следующий шаг — запросить опись школьной папки и материалы по эвакуации. Без фамилии в заявлении. Укажем имя Лидия, возраст примерно восемь-девять лет и адрес доставки. Если указать догадку как установленный факт, архивист начнёт искать не ту запись.

— Я не собиралась указывать догадку.

— Хорошо. Тогда составим запрос сегодня, пока помним номера дела.

Нина направилась к остановке, но Матвей позвонил прежде, чем они успели за ней. Вера включила громкую связь: свободной руки у неё не было, папка лежала под локтем.

— Ты где? — спросил брат. За его голосом шумела дрель, потом звук оборвался. — Я в подвале. Тут дверь в бывшую кладовую не закрывается. Хотел проверить косяк, пока сухо.

— Не трогай её, — сказала Вера.

— Я и не трогаю. Смотрю. Там свежая царапина у петли, как будто что-то протащили.

Лада насторожилась.

— Ты один?

— Сейчас да. Но я не собираюсь лезть внутрь. Вера, ты просила посмотреть на дверь после вчерашнего. Я смотрю на дверь.

Вера повернулась к Нине. Та стояла у остановочного знака, не слыша разговора, и разглаживала мокрый рукав.

— Сфотографируй общий вид и крупно царапину, не заходя за порог, — сказала Вера. — Потом выйди и закрой за собой.

— Уже снял. На косяке ещё кусочек синей нитки зацепился. Похожа на ту, что была на старом ящике.

— Не снимай её.

— Я и не собирался.

Лада наклонилась к телефону:

— Матвей, не пытайся выяснить, откуда она. Мы зафиксируем состояние и решим, кому передать фотографии.

— Понял, адвокат.

— И не называй это шуткой, когда речь о вещдоке.

— Я сказал, понял.

Связь оборвалась. Вера посмотрела на пустой экран. Слово «вещдок» всё ещё звучало слишком громко для нитки, зацепившейся за старую дверь, но именно громкость заставила Матвея не сорвать её и не сунуть в карман.

Автобус остановился у тротуара. Нина шагнула к открывшимся дверям, но Вера позвала её:

— Подожди. Мы поедем вместе. Матвей нашёл след у подвала. Нам нужно зафиксировать его, пока никто не прошёл там.

— Это связано с Лидой? — спросила Нина.

— Не знаем.

— Ты так говоришь, будто это уже ответ.

— Пока это единственный честный ответ.

Нина медленно кивнула и осталась на месте. Лада убрала телефон в сумку.

— Тогда сначала домой, — сказала она. — Я вызову управляющую компанию и попрошу их представителя присутствовать. Иначе Матвей будет один, а потом нам придётся доказывать, кто и когда открывал кладовую.

— Он сказал, что не заходил.

— Я ему верю. Документы всё равно должны подтверждать слова.

Вера свернула к ближайшему переходу. Они не успели на автобус, и его красные огни исчезли за дождевой пеленой. Нина шла рядом молча, бережно прижимая к боку папку с копией разрешения.

На перекрёстке Вера достала телефон и отправила Матвею короткое сообщение: ничего не трогать, дверь не закрывать на ключ, дожждаться их с Ладой. Потом открыла фотографию школьной записи. Фраза «временная» теперь казалась не концом пути, а точным описанием того, что случилось с девочкой в бумагах: её не забыли полностью, но нику-

да не вписали так, чтобы её можно было найти.

Вера увеличила снимок ещё раз, сохранила его под номером архивного дела и убрала телефон. Впереди их ждал подвал, а фамилия Лидии по-прежнему оставалась неизвестной.

У дома Матвей ждал на крыльце, под козырьком, где с края стекала вода. Он держал руки в карманах куртки и смотрел на дверь подвала так, словно та могла открыться сама.

— Не заходил, — сказал он прежде, чем Вера успела спросить. — Снял снаружи. Потом позвонил в диспетчерскую. Сказали, пришлют человека, но когда — не знают.

Лада подняла телефон.

— Я тоже звонила. Представитель будет через двадцать минут. До его прихода дверь не трогаем.

Матвей вынул одну руку из кармана. На ладони лежал прозрачный пакет, пустой и чистый.

— Нитка всё ещё там. Пакет я взял на случай, если ты попросишь.

— Не просила, — сказала Вера. — И правильно сделал, что не стал снимать её.

Он посмотрел на неё с привычной готовностью возразить, но промолчал. Вера заметила это и не стала заполнять паузу похвалой. Между ними и без того слишком часто любая попытка договориться превращалась в спор о том, кто кому доверяет меньше.

Нина Савельевна поднялась на крыльцо последней. Дождь

намочил ей волосы у висков. Она посмотрела на дверь подвала и сразу отвела глаза.

— Нитка синяя? — спросила она.

— Да, — ответил Матвей. — Похожа на ту, что зацепилась за ящик. Но это пока только похожесть.

— Я не говорила, что это та же нитка.

— Никто и не утверждает, — сказала Лада. — Мы фиксируем, что видим.

Нина крепче прижала папку к боку. Вера заметила, как побелели костяшки её пальцев.

Они не стали спускаться к двери вчетвером. Лада попросила Матвея остаться у входа, чтобы встретить представителя управляющей компании, а сама пошла с Верой и Ниной к лестнице, откуда можно было наблюдать за подвальной площадкой, не приближаясь к косяку. Дверь была старая, выкрашенная в несколько слоёв серой краски. На нижнем краю виднелась царапина, которую Матвей снял на телефон: тонкая светлая борозда шла от петли к центру полотна. Синяя нить держалась на торчащем краю металла.

— Похоже, что-то тянули наружу, — сказала Вера.

— Или внутрь, — заметила Лада. — По одной царапине направление не установить.

Нина не сводила глаз с нити.

— В архивном корпусе такие были. Для бирок на временных связках. Синие, хлопковые.

Вера повернулась к ней.

— Ты уверена?

— Уверена, что такие использовали. Не уверена, что именно эта оттуда.

— Ты раньше не рассказывала про бирки.

— Ты раньше не спрашивала про нитки.

Ответ прозвучал резко, и Нина сама, кажется, удивилась. Она опустила папку, разгладила загнутый угол.

— Прости. Я не хотела...

— Не надо извиняться за точный ответ, — сказала Лада.

— Лучше скажи, где такие бирки могли храниться.

Нина помедлила.

— В хозяйственной кладовой. Но после пожара там многое разобрали. В муниципальный архив ушли только описи и часть коробок. Остальное распределили по кабинетам, часть забрали на хранение жильцы.

— А школьная папка? — спросила Вера. — Там индекс, под которым скрыли имя девочки. Это тоже могли пометить такой биркой?

— Могли. Если это была временная связка. Но в школе свои материалы маркировали иначе.

Слова Нины не разрешали загадку, однако меняли её очертания. Синяя нитка могла связывать подвал с архивными бумагами, а могла оказаться обычным остатком старой хозяйственной разметки. Вера почувствовала знакомое желание немедленно соединить оба следа в одну линию. Она заставила себя посмотреть на дверь, а не на собственную до-

гадку.

Пришёл представитель управляющей компании — мужчина в мокрой рабочей куртке, представившийся Павлом Ильичом. Он не спросил, почему его вызвали, а сначала попросил показать, откуда велась съёмка. Лада объяснила, что никто не заходил в помещение и предмет не трогал. Матвей показал фотографию общего вида и крупный план.

— Ключ у кого? — спросил Павел Ильич.

— У меня, — ответила Нина. — Запасной. Рабочий комплект должен быть у вас.

— Должен, — подтвердил он и достал связку. — Но я сейчас не стану открывать без записи. Сначала оформим осмотр.

Он сфотографировал замок, царапину и нить, продиктовал время в голосовую заметку, затем записал присутствующих в журнале. Лада попросила указать, что осмотр проводился без вскрытия двери. Павел Ильич перечитал запись и добавил эту строку собственной рукой.

Пока он ставил подпись, Вера спросила:

— Журнал доступа к подвальным помещениям сохранился?

— За этот год — в электронном виде. Старые тетради у диспетчера. Доступ не всегда записывали, если ключ выдавали сотрудику на короткий срок.

— А ключи жильцам?

— Не выдавались.

Нина тихо сказала:

— Кроме одного.

Павел Ильич поднял голову.

— Кому?

— После пожара. Мне дали связку для обхода, пока проверяли квартиры. Я вернула её через несколько месяцев.

— Есть запись о возврате? — спросила Лада.

Нина не ответила сразу.

— Не помню.

Павел Ильич закрыл журнал.

— Тогда я проверю старые тетради. Пока ничего вскрывать не будем.

Вера увидела, что Нина сжала папку снова, но теперь не отвела взгляда от двери.

— Я проверю свои бумаги, — сказала она. — Там может быть отметка о выдаче.

— Это не значит, что ты обязана найти всё сегодня, — произнесла Вера.

— Знаю. Но теперь я хотя бы понимаю, что именно искать.

Павел Ильич уехал с обещанием прислать копии фотографий и сообщить, когда найдёт журнал. Лада попросила Матвея сохранить исходные снимки без обработки и отправить их ей. Тот кивнул и на этот раз не добавил ничего колкого.

В подъезде Нина остановилась у лестничного окна. За стеклом качались мокрые ветви, а в отражении её лицо ка-

залось старше, чем утром.

— Я не помню, кому передала второй ключ, — сказала она. — Но если он у кого-то остался, я должна была заметить.

— Может быть, не передала, — сказала Вера. — Может быть, ключ вернули без записи. Пока мы не знаем.

— Ты всё время оставляешь место, где я могу оказаться невиноватой.

— Я оставляю место для фактов. Это не одно и то же.

Нина посмотрела на неё внимательно, затем кивнула. На этот раз без обиды.

Вера достала телефон и открыла снимок школьной записи. Ошибочный индекс, закрывавший имя девочки, теперь стоял рядом с царапиной на двери и возможной отметкой о ключе. Ни один след не доказывал связи с другим. Но у каждого появилось конкретное продолжение: школьный архив, журнал выдачи, бумаги Нины.

— Завтра я запрошу оригинал школьной папки, — сказала Вера. — Не выписку. Саму карточку и журнал исправлений.

— А я разберу свои документы, — ответила Нина. — И если найду запись, отдам её Ладе, не тебе.

Вера хотела спросить почему, но поняла ответ раньше, чем Нина успела объяснить. Та выбирала не между ними, а между молчанием и возможностью больше не держать сведения у себя.

— Хорошо, — сказала Вера. — Пусть Лада проверит пер-
вой.

Лада взглянула на них обеих.

— Так и сделаю. А дверь до следующего осмотра останет-
ся закрытой.

Матвей поднялся на площадку и остановился у окна.

— Значит, я сегодня без подвала?

— Именно, — сказала Лада.

— А я думал, семейные архивы всегда заканчиваются тем,
что кто-нибудь лезет в подвал.

— В твоём случае семейные архивы чаще заканчиваются
ремонтom, — ответила Вера.

Он усмехнулся, но улыбка быстро исчезла. Вера заметила
на его рукаве тёмную полосу от дождя и поняла, что он всё
это время стоял снаружи, не уходя и не вмешиваясь. Она не
стала просить его остаться. Он сам решил дождаться.

Когда они разошлись по квартирам, Вера ещё раз прове-
рила, что фотография школьной записи сохранена отдельно
от снимков подвала. Потом записала время осмотра и имена
присутствующих в рабочий блокнот. Внизу страницы оста-
вила пустую строку для номера журнала доступа.

Пока у них не было ни имени девочки, ни доказатель-
ства, что синий след принадлежал старой архивной связке.
Зато впервые Нина назвала возможное происхождение би-
рок и призналась, что после пожара у неё был ключ. Вера за-
крыла блокнот, понимая: следующий шаг зависит не от того,

кто быстрее догадается, а от того, кто согласится предъявить свою запись.

Глава 3. Память соседки

К половине одиннадцатого Вера нашла свидетельницу на третьем этаже.

Звали её Тамара Ильинична Руденко. Нина Савельевна назвала квартиру и добавила, что женщина живёт здесь давно, ещё до пожара, но разговаривать о старых жильцах не любит. Вера постучала один раз, подождала, постучала снова.

— Кто?

— Вера Лесина. Я занимаюсь архивом дома. Нина Савельевна сказала, вы помните девочку с фотографии.

За дверью что-то звякнуло. Замок повернулся не сразу. Тамара Ильинична приоткрыла дверь на цепочку и долго разглядывала Веру, будто та пришла не с вопросом, а с готовым обвинением.

— Какую девочку?

Вера достала из папки копию снимка, но не стала просовывать её в щель.

— Вот эту. Не оригинал.

Цепочка снялась. Женщина отступила, пропуская Веру в узкую прихожую. В квартире пахло варёной картошкой и лекарствами. На стене висели часы с деревянной кукушкой; стрелки показывали без четверти одиннадцать, хотя часы отставали минут на семь.

— Я не говорила, что помню её, — сказала Тамара Ильинична, закрывая дверь. — Нина сама всё переврала. Я сказала: видела похожую.

— Когда?

— После пожара.

Она произнесла это уверенно и сразу отвернулась, словно вопрос был уже решён. Вера положила копию на край кухонного стола. Женщина взглянула на снимок, но не взяла его.

— Где вы её видели?

— На лестнице. Здесь. Девочка шла вниз, в синем пальто. Совсем одна.

— Вы уверены, что это было после пожара?

— Конечно. Тогда дом уже открыли. Я помню, потому что у нас на площадке ещё штукатурка осыпалась. Мы жили у сестры, потом вернулись. Девочка прошла мимо меня и даже не поздоровалась.

— Какой это был год?

Тамара Ильинична прищурилась.

— Две тысячи пятый. Весна, наверное.

Вера не стала сразу возражать. Она открыла блокнот и записала слова свидетельницы дословно, оставив рядом место для уточнений.

— Вы видели её один раз?

— Два. Может, три. Она всё время ходила одна.

— Вы помните, в какой квартире она жила?

— Не знаю. Я тогда не за всеми следила.

Женщина сказала это с обидой, будто Вера могла потребовать от неё большего. Вера подняла глаза.

— Я не прошу вас угадывать. Мне важно отделить то, что вы помните, от того, что могли услышать позже. Вы можете описать её лицо, одежду, рост?

— Невысокая. Тёмные волосы. И пальто синее.

— Вы видели её рядом с женщиной с фотографии?

— Нет.

— С мужчиной?

— Нет. Сказала же: одна.

Слова прозвучали резко. Тамара Ильинична наконец взяла копию и поднесла ближе к окну. Пальцем указала на фигуру девочки, не касаясь бумаги.

— Похожа. Только эта здесь нарядная, а та была в обычном пальто.

Вера посмотрела на фотографию. На ней девочка стояла чуть в стороне от взрослых. Белый воротничок, тёмное платье, ладони сцеплены перед собой. На обороте не было даты, только короткая надпись карандашом: «Семья С. Л. — 14».

— Вы замечали, что у неё было с собой? — спросила Вера.

— Пакет. Или сумка. Я уже не помню.

— Где вы были, когда она прошла?

— У двери квартиры. Я возвращалась с рынка.

— Кто-нибудь был с вами?

Тамара Ильинична задумалась и сердито поджала губы.

— Может, Надя с пятого. Мы тогда часто вместе ходили.

Но она умерла.

Вера не вписала «свидетель» рядом с именем. Пока это было лишь возможное воспоминание.

— Вы рассказывали кому-нибудь о девочке?

— Нине, конечно. Она тогда спрашивала, кто заходил в дом.

— Когда именно?

— После возвращения. Не знаю. Через неделю, через две. А потом ещё говорила, что кто-то видел девочку у старого корпуса.

— Кто говорил?

— Мужчина из архива. Или пожарный. Я не помню. Не надо цепляться к словам, Вера. Я её видела.

— Я не сомневаюсь, что вы видели девочку. Я пытаюсь понять, когда.

Тамара Ильинична убрала копию на стол, осторожно, но не по краю. На миг у неё дрогнула рука.

— Вы думаете, я всё придумала?

— Нет. Но память иногда склеивает два разных дня. Особенно если потом много раз возвращаться к одной истории.

— Мне не нужно объяснять, как работает память.

Вера выдержала паузу.

— Тогда давайте проверим даты. Если девочку видели в доме после пожара, это могло попасть в записи: возвращение жильцов, временное размещение, школьная эвакуация. Я не буду делать выводов по одному воспоминанию.

— Какие ещё записи?

— Журналы заселения и документы школы. Сегодня я собиралась туда позвонить.

Тамара Ильинична будто перестала слышать последние слова.

— В школу не ходите.

— Почему?

— Там ничего не осталось. Всё сгорело.

— Часть архива эвакуировали. Мне это уже подтвердили.

— Кто подтвердил?

Вопрос вырвался слишком быстро. Вера заметила, как женщина прижала ладонь к краю стола.

— Архивариус школы. Она попросила приехать с запросом.

Тамара Ильинична опустилась на стул.

— Я говорила Нине, что видела эту девочку. Она сказала, не надо разносить. У людей и так было достаточно неприятностей. Тогда жильцов возвращали, переселяли, бумаги проверяли... Я не хотела, чтобы кого-нибудь опять выставили за дверь.

— Кого именно?

— Я не знаю. Не смотрите так.

Вера не изменила выражения лица.

— Я пока никого не обвиняю. И не собираюсь добиваться выселения жильцов из-за одной фотографии.

— Все так говорят, пока им не покажут бумагу с печатью.

— Поэтому я и проверяю документы.

Тамара Ильинична помолчала, затем встала и прошла к серванту. Достала из нижнего ящика картонную папку, перевязанную выцветшей тесьмой.

— Вот. Не знаю, поможет ли.

На стол легла квитанция на временное проживание у сестры. В правом верхнем углу стоял штамп: «14.04.2004». Тамара Ильинична постучала ногтем по дате.

— Это было после пожара. Я тогда ещё не вернулась.

Вера прочитала строку ниже. Квартиру на Дворечной, семь, разрешалось занимать после заключения комиссии от шестнадцатого апреля. В квитанции перечислялись дни проживания вне дома — с двадцать восьмого марта по двадцать второе апреля.

— Вы сказали, что видели девочку на лестнице после возвращения.

— Так и было.

— Но вернуться вы могли не раньше двадцать второго апреля.

— Да.

Вера записала дату. Она не стала показывать, что в карточке возврата жильцов, которую им прежде удалось найти, рядом с первоначальным сроком ремонта квартиры Руденко — до конца месяца — стояла отметка о досрочном возвращении двадцать второго апреля.

— Кто ещё мог попасть в подъезд до вашего возвраще-

ния? — спросила она.

— Рабочие. Люди из администрации. Нина.

— А девочка могла быть из их семей?

— Не знаю. Но я же видела её потом.

Тамара Ильинична говорила теперь медленнее. Вера придвинула к ней блокнот.

— Давайте попробуем восстановить отдельно каждый раз. Самый ранний — когда?

Женщина закрыла глаза.

— В апреле. Я пришла посмотреть, что осталось в квартире. Ещё не ночевала там. Лестница была грязная, пахло мокрой штукатуркой. Девочка спускалась сверху. Я спросила, где её мама.

— И что она ответила?

— Ничего. Прошла мимо.

— Вы были одна?

— Да.

— Это было до возвращения?

— Наверное.

— А второй раз?

— Уже летом. Или осенью. Тогда она была в синем пальто.

Теперь уверенность в голосе Тамары Ильиничны ослабла. Она открыла глаза и посмотрела не на Веру, а на квитанцию.

— Может, я перепутала. Первую я увидела, когда дом был ещё закрыт. А потом много раз рассказывала об этом Нине. Она и сказала, что девочка была в синем пальто?

— Вы только что сказали, что сами помните пальто.

— Помню. Но... — Женщина замолчала. — Не знаю, когда именно.

Вера не заполняла паузу за неё.

— На той фотографии девочка в синем? — спросила Тамара Ильинична.

— Нет.

— Значит, я не её видела?

— Этого мы пока не знаем. Зато знаем, что ваш первый рассказ нельзя датировать после возвращения. Вы могли видеть кого-то в доме до того, как сами туда въехали.

Тамара Ильинична сдвинула квитанцию к Вере.

— Заберите копию. Оригинал не отдам.

— Я и не прошу. Можно сфотографировать, если вы разрешите.

— Сначала покажите мне, что именно собираетесь снимать.

Вера достала телефон и открыла камеру, не поднимая его над документом.

— Только квитанцию. Без вашего лица и без других бумаг.

Женщина внимательно посмотрела на экран. Потом кивнула.

Снимок получился чётким: дата, адрес, срок временного проживания. Вера сразу показала его Тамаре Ильиничне, дождалась, пока та сверит всё сама, и только тогда убрала те-

лефон.

— А школу вы всё-таки проверьте, — сказала свидетельница. — Только если там найдёте чьё-то имя, не вздумайте сразу идти к людям с вопросами.

— Сначала я выясню, что именно означает запись.

— И Нине скажите, что я не хотела её подводить.

— Скажу. Но вашу поправку тоже передам.

Тамара Ильинична поморщилась, будто эта часть разговора ей нравилась меньше всего, однако спорить не стала.

На лестнице Вера позвонила Ладе. Та ответила после третьего гудка.

— У нас появилась свидетельница и первая дата, — сказала Вера. — Она уверена, что видела девочку после пожара, но документ подтверждает: в тот период сама она жила не в доме. Возможно, видела девочку во время краткого визита до возвращения.

— А ещё?

— Сначала рассказывала про один случай, теперь вспомнила два. Второй не датирует. Я не хочу превращать её слова в подтверждение фотографии.

— Правильно. У тебя есть копия документа?

— С разрешения хозяйки. Квитанция на временное проживание, четырнадцатое апреля.

— Тогда сравни её с карточкой возврата. И сохрани исходное фото, не обрезай.

Вера открыла блокнот на чистой странице и записала:

«Рассказ Тамары Ильиничны: возможное наблюдение до заселения; дата второго эпизода неизвестна. Не считать установленной идентификацией». Ниже добавила дату квитанции и срок проживания вне дома.

Впервые за утро в её руках оказалась не чужая уверенность, а документ, который этой уверенности противоречил. Девочку он не называл. Зато сужал время, когда она могла появиться в подъезде, и показывал, как поздний рассказ стал точнее воспоминания, из которого вырос.

Вера позвонила Нине не сразу. Сначала она перечитала запись о карточке возврата, которую нашла в доме утром, и сверила дату с фотографией квитанции. Четырнадцатое апреля — день, когда Тамара Ильинична ещё числилась временно проживающей в соседнем корпусе. Возвращение жильцов в квартиру на Дворечной, семь, было оформлено только двадцать второго.

Она провела пальцем по строчке в блокноте, где стояло имя Тамары, и набрала номер домоуправы.

— Нина Савельевна, у вас сохранились карточки возврата за апрель две тысячи четвёртого года?

— Я же говорила, что сохранились.

— Вы говорили о папке. Мне нужна именно карточка Тамары Ильиничны и общий лист регистрации.

На другом конце послышался скрип стула.

— Общий лист у меня. Карточки... — Нина замолчала.
— Зачем тебе карточка?

— Потому что квитанция показывает, когда она жила вне дома. А карточка покажет, когда ей разрешили вернуться. Я хочу исключить ошибку в датах.

— Ты мне не доверяешь?

— Я доверяю необходимости проверить.

Нина тяжело вздохнула.

— Приходи через полчаса. Только не тащи сюда всю компанию.

— Будет только Матвей. Он нужен, чтобы открыть шкаф.

— Шкаф я сама открою.

— Тогда Матвей останется снаружи.

Ответа не последовало. Вера услышала короткий щелчок, и в трубке зазвучали гудки.

Матвей ждал её на лестнице между первым и вторым этажом. Он держал в руке связку отвёрток, хотя Вера не просила его ничего чинить.

— Не спрашивай, — сказал он. — Я сам знаю, что это выглядит как попытка решить любой разговор с помощью металла.

— Ты можешь просто постоять рядом.

— Могу. Но если Нина опять скажет, что замок заклинило, я предпочту быть подготовленным.

— Никто не сказал, что замок заклинило.

— В этом доме сначала всегда говорят, что замок заклинило.

Вера посмотрела на его отвёртки.

— Останешься в коридоре. Если понадобится открыть шкаф, я позову.

— Значит, мне доверяют роль мебели?

— Мебель не спорит.

— Ты просто редко видишь хорошую мебель.

У Нины дверь была приоткрыта. Она стояла у шкафа в комнате, где хранились записи о жильцах: папки в серых обложках, коробки с квитанциями, связки ключей, подписанные выцветшим почерком. На столе уже лежал общий лист регистрации. Нина придерживала его ладонью, словно бумага могла сама собой сдвинуться к Вере.

— Тамара Ильинична приходила ко мне не за карточкой, — сказала она. — Она хотела узнать, почему её записали последней.

— В каком смысле?

— Людей возвращали по подъездам и квартирам. Сначала проверяли, можно ли жить. Потом выдавали временные ключи. Её квартира была готова двадцать первого, но отметку поставили двадцать второго.

— Почему?

— В тот день не хватало одного комплекта ключей.

Вера перевела взгляд на лист. В таблице стояли фамилии, номера квартир и даты. Рядом с фамилией Тамары Ильиничны действительно было написано: «22.04, ключ получен». Ниже, карандашом, кто-то добавил: «вернулась самостоятельно, осмотр после».

— Что значит «самостоятельно»?

— Значит, её не сопровождали.

— А кто сопровождал остальных?

— Дежурные от пожарной охраны, представитель администрации. Иногда родственники.

— Вы помните, кто был дежурным двадцать второго?

— Нет.

Вера не стала спорить. Она достала телефон.

— Можно сфотографировать лист?

— Только целиком.

— Хорошо.

Нина отступила, но не убрала ладонь с края бумаги. Вера снимала медленно, без вспышки. На снимке оказались все строки, включая нижнюю часть, где регистрация обрывалась у фамилии, зачёркнутой синими чернилами. Рядом стояла дата двадцать первого апреля и номер квартиры 18.

— Кто здесь был записан? — спросила Вера.

— Не помню.

— Фамилия читается: Климова.

Нина сжала губы.

— Климова жила в первом подъезде. Её потом переселили.

— Куда?

— Не знаю.

— Но вы храните записи о жильцах.

— Я храню то, что мне передали.

— Тогда почему вы сказали, что не помните?

Нина резко отвернулась к шкафу.

— Потому что если я начну вспоминать вслух всё, что было в те дни, ты решишь, будто каждый мой пропуск — доказательство преступления.

Матвей появился в дверях.

— Мы не решаем заранее.

Нина взглянула на него.

— Ты всегда так говоришь, когда уже решил.

— А ты всегда прячешься за тем, что стараешься защитить людей.

В комнате стало тесно, хотя шкаф стоял далеко от стола. Вера подняла руку, остановив брата.

— Нам нужна карточка Тамары Ильиничны.

Нина достала из ящика тонкую папку и положила её перед Верой. Внутри была карточка с фотографией, вклеенной криво, и двумя подписями: одна — о проверке квартиры, другая — о выдаче ключа. Подписавший вторую строку был указан инициалами: «И. Ч.».

— Ирина Чистякова? — спросила Вера.

Нина ответила не сразу.

— Её мать тогда работала в администрации.

— А Лада знает, что её мать выдавала ключи?

— Лада знает всё, что касается документов. Но не всё, что касается людей.

Вера сфотографировала карточку и увеличила подпись.

Почерк был узкий, с длинными вертикальными чертами. На общем листе рядом с несколькими фамилиями стояли похожие инициалы, но у Тамары подпись выглядела более торопливой, будто её поставили уже после окончания обхода.

— Вы говорили Тамаре, что она вернулась двадцать второго?

— Она сама это знала.

— Она помнит, что видела девочку после пожара. Если она вошла в дом в этот день, её рассказ уже не противоречит документам.

— Не совсем, — сказала Нина.

Вера подняла голову.

— Почему?

Нина посмотрела на карточку.

— Потому что Тамара пришла вечером двадцать первого.

Матвей перестал вертеть отвёртку.

— Здесь стоит двадцать второе.

— Официально — двадцать второе. Но она пришла раньше. Я пустила её через служебный вход, чтобы она забрала лекарства. Ключа у неё тогда не было, поэтому квартиру открывал другой человек.

— Кто?

— Ирина Чистякова.

Вера почувствовала, как всё, что казалось простым уточнением дат, сместилось на полшага. Она снова взглянула на фотографию девочки в тёмном платье, которую хранила в

отдельном конверте.

— Тамара могла видеть девочку двадцать первого вечером?

— Могла, — сказала Нина. — Но я не знаю, была ли девочка в доме.

— А кто ещё был с Ириной?

Нина провела пальцем по краю папки.

— Мальчик. Лет десяти или одиннадцати. Он ждал у запасного выхода и держал в руках коробку с бумагами.

— Вы видели его?

— Видела.

— Почему не сказали раньше?

— Потому что я не знала, кто он. А потом узнала, что коробка исчезла.

Матвей тихо выругался.

— Что было в коробке?

— Не знаю. Ирина сказала, что это школьные документы.

Вера закрыла папку, но не убрала её.

— Тамара видела девочку или мальчика?

— Она сказала, что девочку.

— Вы сами её видели?

Нина долго молчала.

— На лестнице. В синем пальто. Лица не рассмотрела. Она стояла рядом с мальчиком, а потом они ушли к запасному выходу.

— В какое время?

— После семи. До восьми.

— Значит, ваш рассказ и рассказ Тамары могут относиться к одному эпизоду.

— Могут.

— Но вы не уверены.

— Я не уверена даже в том, что мальчик был тем, кого я тогда подумала увидеть.

Вера медленно достала телефон и открыла снимок школьной записи, которую получила утром. На экране была строка из журнала эвакуации: фамилии детей, отметки о временном размещении, номера школ. Среди них значился мальчик из дома — Кирилл Чистяков, одиннадцать лет, эвакуирован через первый подъезд. Рядом с его именем стояла приписка: «передан матери 21.04».

Она развернула экран к Нине.

— Это он?

Нина надела очки. Её лицо изменилось не от узнавания, а от понимания, что прежняя версия теперь стала слишком узкой.

— Да. Это Кирилл.

— А девочка?

— Не знаю.

— Но если Кирилл был с ней, он мог знать, откуда она пришла.

Нина сняла очки и положила их на стол.

— Вера, не ходи к его семье сегодня.

— Я не собираюсь задавать им вопросы без проверки.

— Его мать умерла много лет назад. Ирина — его старшая сестра, а Ася — младшая.

— Тогда тем более нужно искать документы, а не давить на родственников.

Нина посмотрела на неё с усталой благодарностью, которая тут же сменилась тревогой.

— У Ирины была младшая сестра. Ей тогда было восемь. Матвей нахмурился.

— Вера, на фотографии девочке примерно столько же.

— Как её звали? — спросила Вера.

Нина ответила почти шёпотом:

— Ася.

Имя легло на стол рядом с копией квитанции и фотографией карточки возврата. Вера записала его, указав источник, время и степень достоверности, затем поднялась.

— Мы не будем считать, что нашли девочку, — сказала она. — Но теперь у свидетельства есть проверяемая связь: вечер двадцать первого, служебный вход, Кирилл Чистяков, его сестра Ася и коробка со школьными документами.

— Ирина не была преступницей, — резко сказала Нина.

— Пока никто этого не утверждает.

— Ты понимаешь, что если в её семье сохранился документ, они могут испугаться?

— Поэтому сначала я попрошу Ладу проверить, какие записи можно запрашивать официально.

Матвей взялся за ручку двери.

— А коробка?

Нина посмотрела на шкаф.

— Если она не пропала в пожаре, её могли убрать туда.

Вера обернулась к серым папкам.

— Вы говорили, что все записи передали вам после эвакуации.

— Не все, — призналась Нина. — Часть оставили в техническом переходе, чтобы не таскать через улицу.

— Там можно было пройти из первого подъезда?

— Можно. Но после пожара проход закрыли.

Вера почувствовала знакомое напряжение: не мистическое, а почти физическое, как перед открытием двери, за которой слишком долго никто не проверял факты. Однако она не двинулась к шкафу.

— Сегодня мы туда не пойдём, — сказала она. — Сначала опишем, что у нас есть, и получим разрешение на осмотр.

Матвей недовольно выдохнул, но кивнул.

Нина вернула карточку в папку. Теперь её руки дрожали заметно.

— А если коробка всё ещё там?

— Тогда мы найдём её по процедуре.

— А если документов уже нет?

Вера посмотрела на фотографию девочки, лежавшую у неё в конверте, и впервые позволила себе произнести имя, не превращая его в вывод:

— Тогда мы установим, кто такая Ася, и почему её присутствие не попало в записи.

За окном прошёл автобус, и стекло задребезжало в раме. Вера убрала телефон в карман, оставив снимки в защищённой папке, а затем попросила Нину подписать отдельную записку о вечернем проходе двадцать первого апреля. Нина долго держала ручку над бумагой, но всё-таки написала: «Видела девочку и Кирилла Чистякова у служебного входа. Время приблизительное. Ранее не сообщала».

Когда они вышли в коридор, Матвей тихо сказал:

— Теперь ты понимаешь, почему Нина боялась?

— Понимаю, — ответила Вера. — Но страх не делает воспоминание точнее.

Она посмотрела на закрытый шкаф, за которым могли лежать документы, объяснявшие чужую фотографию, и впервые за весь день почувствовала, что прошлое не зовёт их за собой, а требует аккуратного ответа на каждый заданный им вопрос.

Ирина Чистякова жила в соседнем квартале, в доме с зелёными балконами и одинаковыми занавесками на кухнях. Лада предупредила её о визите заранее и объяснила, что речь не о жалобе и не о проверке семьи. Ирина всё равно открыла дверь не сразу.

— Вы с фотографией? — спросила она, не отступая с порога.

Вера показала закрытый конверт.

— С копиями записей. Сам снимок я принесла только затем, чтобы вы могли отказаться его смотреть.

Ирина перевела взгляд на Ладу.

— Адвокат обязательно должна быть?

— Нет, — сказала Лада. — Но я здесь, чтобы никто не принуждал вас отвечать и чтобы мы не приняли чужое воспоминание за документ.

Женщина молча пропустила их внутрь.

В квартире пахло подогретым молоком и стиральным порошком. На стене в прихожей висела фотография школьного выпускного: девочки в одинаковых фартуках, мальчики в рубашках, учительница с букетом. Вера не стала задерживать на снимке взгляд, пока Ирина не заметила.

— Это выпуск моего брата, — сказала она. — Кирилл стоит с краю. Ася тогда ещё не ходила в школу.

— Вы не против, если я запишу разговор? — спросила Вера. — Только с вашего согласия.

— А если я не соглашусь?

— Тогда буду делать заметки. Вы сможете их прочитать и поправить.

Ирина посмотрела на Ладу, словно та могла обнаружить в этой формулировке скрытую ловушку.

— Делайте заметки.

Они сели на кухне. Ирина поставила перед гостями чашки, но сама не притронулась к своей. Вера достала блокнот и изложила, что известно: фотография, школьная карточка,

воспоминание Нины Савельевны о вечере двадцать первого апреля и имя Кирилла в журнале эвакуации. Она не добавила предположений о том, кто именно девочка на снимке.

— Значит, вы уже решили, что это Ася, — сказала Ирина.

— Нет. У нас есть основания проверить эту возможность, но пока нет основания считать её установленным фактом.

— Нина Савельевна видела нас после пожара, — произнесла Ирина. — Я была с Кириллом. Ася тоже могла быть с нами. Не помню. Прошло столько лет.

— Вы помните тот вечер?

— Смутно. Я помню, как мама ругалась из-за коробок. Помню школьный коридор и запах мокрых пальто. А Нину помню не там, а уже здесь, у дома. Она стояла у входа, в сером платке. Или это был другой день.

Вера записала обе версии отдельно.

— Вы уверены, что Нина видела вас у служебного входа?

— Она сказала это?

— Она записала, что видела Кирилла и девочку. Время указала приблизительное.

Ирина придвинула чашку, обхватила её ладонями.

— Тогда, наверное, так и было. Только я не уверена, что девочка была Ася. Она была маленькая, но не совсем ребёнок. На снимке девочка выглядит старше.

Вера достала из конверта увеличенную копию, не подлинник, и положила на стол изображением вниз.

— Хотите посмотреть?

Ирина не ответила сразу. Потом кивнула.

Вера перевернула лист.

Женщина подалась вперёд. На несколько секунд лицо её стало непроницаемым, потом дрогнуло.

— Похожая, — сказала она. — Очень.

— На Асю?

— На нашу двоюродную сестру Свету. У неё была такая чёлка. Но это ничего не доказывает. У нас в семье у половины девочек была такая чёлка.

Лада не дала разговору сдвинуться к догадкам:

— Вы говорили, что Ася могла быть с вами. Есть ли у вас собственные документы того времени? Школьные, медицинские, семейные?

Ирина подняла глаза.

— Мама хранила всё. Когда умерла, коробки разобрали по родственникам. У меня остались её бумаги и школьные тетради. Но я не собираюсь отдавать их незнакомым людям.

— Мы и не просим отдавать, — сказала Вера. — Можно сверить даты при вас и записать только то, что вы разрешите. Сначала можно посмотреть ваши записи без фотографирования.

— А если там окажется что-то неприятное?

— Вы вправе остановить осмотр.

Ирина отодвинула копию. Не резко, но так, будто снимок стал предметом, которому нельзя позволить занять место на столе.

— Вы хотите найти Асю?

— Мы хотим понять, кто изображён на фотографии и как снимок оказался в доме. Если это ваша сестра или родственница, решение о том, что делать дальше, будет за вами.

Ирина усмехнулась без веселья.

— Хорошо звучит. А если выяснится, что она пропала?

Вера не отвела взгляда.

— Тогда мы будем действовать по тому, что подтвердится. Но сейчас у нас нет сведений, что кто-то пропал.

Ирина встала и вышла из кухни. Из комнаты донёсся скрип шкафа, затем звон ключей. Она вернулась с плоской картонной коробкой, перетянутой выцветшей лентой.

— Мама называла это «школьным», — сказала она. — Я не открывала после похорон. Там могут быть мои табели и Кирилловы. Если ваши записи что-то значат, посмотрим вместе.

Лента поддалась не сразу. Внутри лежали тетради, сложенные конверты и документы, перевязанные ниткой. Ирина осторожно переложила верхнюю стопку на свободный край стола. Вера не тянулась к бумагам, пока хозяйка не протянула ей один конверт.

На лицевой стороне стояло: «Ася. Школа. 2004». Почерк был круглый, с характерной длинной чертой у буквы «д».

— Мамино, — сказала Ирина. — Она всегда подписывала так, если собиралась отнести что-нибудь в школу.

Вера указала на дату, не касаясь конверта.

— Можно открыть?

Ирина сама вынула содержимое. Там оказалась сложенная вчетверо справка из школы номер четырнадцать: «Чистякова Ася Кирилловна, учащаяся третьего класса, выбыла из списков 22 апреля 2004 года в связи с переводом». Ниже стояла подпись директора и круглая печать. К документу скрепкой была приколота копия заявления от матери: просила выдать личное дело в связи с переездом к родственникам в другой город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.